

КОНФЛИКТНАЯ МОДЕЛЬ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович, кандидат политических наук, доцент
Дагестанский государственный университет
Российская Федерация, 367000, г. Махачкала, пр-т Шамиля, 103/20
E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

Статья посвящена актуальной для современной России теме – специфике межнациональных отношений. Автор анализирует основные особенности формирования этнополитических конфликтов и обращается к рассмотрению конфликтной модели межнациональных отношений на Северном Кавказе. Подчеркивается связь конфликтной модели межнациональных отношений со спецификой сложившихся в регионе социально-политических систем.

Ключевые слова: конфликтная модель, этнополитический конфликт, этничность, межнациональные отношения, кланы, Северный Кавказ

CONFLICT MODEL OF THE INTERNATIONAL RELATIONS: SPECIFICS OF FORMATION IN NORTH CAUCASUS REGION

Gadzhiev Magomedemin M., Ph.D. (Policy), Associate Professor
Dagestan State University
103/20 Shamilya Ave., Makhachkala, 367000, Russian Federation
E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

Conflict model of international relations: the formation of the specifics in the North Caucasus region. This article is devoted to the actual topic for modern Russia – the specifics of international relations. The author analyzes the main features of the formation of ethno-political conflicts and appeals to review the conflict model of interethnic relations in the North Caucasus. It emphasizes the relationship of conflict model of interethnic relations with the specifics of the existing regional socio-political systems.

Keywords: conflict model, ethno-political conflict, ethnicity, ethnic relations, the clans, the North Caucasus

Межнациональные отношения – сложная и противоречивая сфера. От характера межнациональных отношений зависит социально-политическая стабильность государства, крепость общегражданской идентичности. В современном мире процессы глобализации и транснациональной миграции, сопровождающиеся взаимным этнокультурным влиянием, значительно усложняют межнациональные отношения и, как следствие, политику государства в сфере их регулирования. В связи с этим повышается востребованность и актуальность научно-теоретического осмысления проблем межнациональных отношений в политологической науке. Обращение к научным методам исследования позволяет не только осмыслить происходящие в сфере межнациональных отношений процессы и выработать наиболее эффективные механизмы их регулирования.

Ответной реакцией на вызовы глобализации стало возрождение этнической идентичности. Мы можем наблюдать по всему миру возвращение традиционалистских и даже архаичных компонентов в сферу политических отношений, что связано с отвержением парадигм модерна и обращением к поиску альтернативы социально-политического развития, способной уберечь этнические общества от исчезновения в процессе «смешения культур». «Этнический ренессанс» фактически является ответом, особенно со стороны периферийных обществ с сильно развитой традиционалистской компонентой, на риски и вызовы глобализации. Естественно, что этот процесс принимает и конфликтные черты, поскольку стремление к сохранению этничности, понимаемой, прежде всего, в контексте национальных традиций, в конечном итоге

влечет за собой неизбежное противостояние с глобальными тенденциями культурной универсализации.

Длительное время в качестве основной стратегии развития межнациональных отношений во многих странах мира, в первую очередь в европейских, рассматривался мультикультурализм – концепция, призванная «соединить» многочисленные и дифференцированные национальные культуры в единое «мозаичное общество». Однако, как подчеркивают многие эксперты, в настоящее время неэффективность мультикультуралистской модели становится все более очевидной, по крайней мере, в постсоциалистических обществах, к которым принадлежит и Российская Федерация [6, с. 222]. Как отмечает Л.М. Дробижева, «политика мультикультурализма, безусловно, смягчает межэтнические отношения, в основном применительно к дисперсно расселенным группам, но, как показывает исторический опыт, не решает всех проблем» [6, с. 120].

Специфика социального бытия в современном глобализирующемся мире предполагает постепенное «растворение» национального в глобальном, усугубление процессов атомизации и, соответственно, кризис идентичности [10]. Поскольку люди испытывают экзистенциальную потребность в групповой самоидентификации, на фоне процессов глобализации актуализируется дискурс этничности. В условиях роста транснациональной миграции этничность приобретает особую роль, поскольку позволяет людям, находящимся в чуждом им в культурном отношении обществе, сохранять групповую самоидентификацию и даже приобретать социально значимые позиции, используя этничность как актуальный ресурс социальной мобильности. Модернизационные процессы в жизни современного мира привели к образованию общего поликультурного и полиэтничного пространства, что привело к снижению толерантности людей к вопросам ассимиляции [3, с. 55]. В противоположность установкам на ассимиляцию в большие надэтнические общности, имевшую место в современном обществе, в настоящее время утверждаются ориентиры на сохранение, воспроизводство и активную демонстрацию этничности.

В то же время, в многонациональных государствах, в условиях кризиса мультикультуралистской модели этническая идентичность может вступать в конфликт с политической (национальной) идентичностью. В условиях кризиса национальных государств заинтересованные внешние силы могут умело использовать противопоставление этнической и национальной идентичности в целях разжигания сепаратистских настроений, дестабилизации политической ситуации в конкретной стране, провоцирования межэтнических конфликтов. С помощью этнополитических технологий присущие любому обществу социально-экономические и социокультурные противоречия в условиях полиэтничности легко трансформируются в межэтнические противоречия и даже в межнациональные противостояния.

Обращаясь к проблеме этнополитических конфликтов в современном мире, в первую очередь следует отметить, что детерминирующим конфликт фактором выступает политизация этнической идентичности. По мнению британского исследователя Х. Майала, в современных условиях наибольшую значимость приобретает выявление контекстуальной составляющей конфликта, поскольку любой современный конфликт, в первую очередь этнополитический, имеет в своей основе влияние социального, политического, культурного, экономического контекста [8, с. 76]. А.З. Адиев говорит о двух возможных вариантах развития этнополитического конфликта. В первом варианте этнический фактор используется политическими элитами для достижения определенных политических целей, но затем ситуация выходит из-под контроля, и этническая составляющая становится сущностью конфликта. Во втором варианте этническое наполнение приобретает противостояние, вызванное социально-экономическими причинами [1, с. 25]. Мы можем отметить, что во втором варианте конфликт постепенно выходит за локальные рамки, в которых происходило его развитие, и приобретает этнические черты и даже надэтнические черты, если ложится в основу противостояния надэтнической общности иным общностям или государствам.

Одной из ключевых причин межэтнических противоречий в современном мире, по мнению Э. Геллнера, является несовпадение этнической и национальной идентичности. Проживание в рамках национального государства этнических групп, в силу своей численности, социального и экономического положения не способных к доминированию, выступает в роли конфликтогенного фактора [5, с. 23–24]. Соответственно, государство, реализуя национальные интересы, далеко не во всех ситуациях действует в интересах этнических групп, не являющихся титульной нацией страны. Возникает неизбежный конфликт интересов, трансформирующийся в межэтническую напряженность и способный принимать самые разные формы, вплоть до открытого вооруженного противостояния.

В основе конфликтной модели межнациональных и межэтнических отношений практически всегда находится нежелание одной группы интересов делиться правами и возможностями с другой группой интересов. Политические элиты, стремясь закрепить свое положение или, напротив, обрести власть или отдельные привилегии, трансформируют социальные и экономические противоречия в межэтнические, после чего используют этнический фактор в качестве основного инструмента политического влияния и давления.

В современной России рост межнациональной напряженности был вызван политическими и экономическими последствиями распада Советского Союза. На постсоветском пространстве проявились и приняли острые формы многочисленные противоречия и конфликты, на протяжении десятилетий минимизировавшиеся в Советском Союзе сочетанием репрессивных, социально-конструктивных и пропагандистских мер. Разрушение выстроенной на основе интернационалистической коммунистической идеологии советской социально-политической системы привело к дезинтеграции постсоветского российского общества и, как следствие, к моментальному росту и распространению этнического национализма, как русского населения, так и многочисленных национальных меньшинств Российской Федерации [3, с. 56].

Рост этнического национализма выразился не только в появлении и активизации соответствующих политических и культурных организаций, но и в усилении сепаратистских настроений в национальных республиках, а также в постепенном ухудшении межнациональных отношений во всех регионах Российской Федерации. Процессы, происходившие в постсоветской России, стали частью общих дезинтеграционных процессов, охвативших все постсоветское пространство. Если Татарстан, Башкирия, Калмыкия, Якутия ограничились демонстрацией сепаратистских настроений, но впоследствии, получив определенные преференции от федеральной власти, минимизировали центробежные тенденции, то на Северном Кавказе межнациональная ситуация обострилась в наибольшей степени.

Политическая и социальная нестабильность региона сформировалась именно в первые постсоветские годы, причем дестабилизация ситуации на Северном Кавказе была вызвана не только кризисом и распадом советской идентичности и возрождением этнических идентичностей северокавказских народов, но и многочисленными проблемами экономического, социального, демографического характера. Перед федеральной властью еще в начале 1990-х гг. встала не потерявшая актуальности до сих пор задача по противостоянию сепаратистским тенденциям в национальных республиках [7].

Ренессанс этнической идентичности, который переживают северокавказские (и не только) республики Российской Федерации, стал основой для распространения националистических и сепаратистских настроений, вслед за которыми на территории Северного Кавказа стали вспыхивать многочисленные межэтнические конфликты. Далекое не во всех случаях они носили характер вооруженного противостояния, как осетино-ингушский или чеченский конфликты, но о наличии «линий противостояния» можно говорить применительно ко всем республикам региона. В частности, наблюдались определенные межэтнические противоречия в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и даже наиболее стабильных регионах Северного Кавказа – Адыгее и Ставропольском крае.

Многие из конфликтов последних лет, особенно в Дагестане и Ставропольском крае, имели под собой не столько национальную, сколько социально-экономическую подоплеку. Основой этнополитических противоречий чаще всего становятся земельные конфликты, детерминированные, по Е.А. Варшаверу, двумя основными причинами – неурегулированностью земельных отношений и частыми насильственными и вынужденными миграциями в течение XX в. [4, с. 134]. К примеру, противоречия между кумыками и ногайцами, с одной стороны, и аварцами и даргинцами – с другой было вызвано продолжающейся миграцией последних из горных в равнинные районы Дагестана и Ставропольского края. Соответственно, происходили конфликты за пользование землями сельскохозяйственного назначения, за пастбища. В основе миграции лежали демографические (высокий уровень рождаемости в горных районах и, как следствие, рост количества социально активной и трудоспособной молодежи) и социально-экономические (безработица, отсутствие развитой социальной и экономической инфраструктуры в горных районах) факторы [1, с. 51–52]. Отсутствие внятной стратегии органов региональной власти по решению земельной проблемы способствует дальнейшему углублению уже имеющегося социально-экономического конфликта, что в перспективе способно перевести его в русло межэтнического противостояния.

Утверждению конфликтной модели в качестве одной из базовых моделей межнациональных отношений на Северном Кавказе способствует и специфика сложившихся в республиках региона социально-политических систем, основанных на власти этнополитических кланов. В северокавказских республиках кланы представляют собой ядро общественной системы и фактически выступают в роли формирующего звена политической жизни. Между тем, господство этнических кланов свидетельствует о демодернизационных процессах в социально-политической жизни Северного Кавказа. Соответственно, в существующих условиях не может быть и речи о преодолении многочисленных этнополитических конфликтов, развивающихся в регионе.

На Северном Кавказе сложилась такая система политических отношений, в которой удержание реальных позиций в органах власти и управления возможно лишь при условии проведения максимально жесткой политики по недопущению укрепления влияния конкурирующих этнических кланов. Таким образом, существующие этнополитические конфликты не только не разрешаются, но и усугубляются в результате действий региональных политических элит [2, с. 66–67]. Клановое противостояние становится одним из важнейших факторов дальнейшего развития этнополитических конфликтов. Возникает и усугубляется реальное этническое неравенство, проявляющееся в неравных возможностях использования каналов вертикальной социальной мобильности, в отсутствии равномерного доступа к экономическим ресурсам. В свою очередь, на усугубляющихся социально-экономических противоречиях между отдельными этническими и субэтническими группами могут играть представители определенных политических кругов, заинтересованные в использовании конфликта для реализации своих политических целей.

Преодоление существующих и профилактику потенциальных этнополитических конфликтов на территории Северного Кавказа мы можем связать исключительно с ускорением и повышением эффективности социально-модернизационных процессов в регионе. Как справедливо отметил политолог А. Санглибаев, «модернизация предполагает в первую очередь изменение институциональной среды, трансформацию элиты, установление единых для всех субъектов экономических отношений ясных и относительно честных правил игры» [9].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что одной из базовых моделей межнациональных отношений является конфликтная модель, широко распространенная в полиэтничных государствах с отсутствием возможности одной или нескольких этнических групп добиться реального доминирования в политическом управлении. В современной России конфликтная модель межнациональных отношений присуща северокавказским обществам, в которых сохраняется традиционная клановая структура, усугубляющая существующие этнополитические противоречия и препятствующая их

эффективному урегулированию. Социальные и экономические конфликты используются группами политической элиты в качестве фундамента для трансформации в этнополитические конфликты, выступающие инструментом политического давления.

Список литературы

1. Адиев А. З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. Ростов-на-Дону, 2010.
2. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: экспертное мнение. Москва, 2007.
3. Ананичева С. Р., Демьяник Н. Межэтнические конфликты на постсоветском пространстве // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2014. Т. 5, № 3. С. 53–56.
4. Варшавер Е. А. Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане // Мониторинг общественного мнения. Сентябрь-октябрь 2014. № 5 (123). С. 133–150.
5. Геллнер Э. Нации и национализм. Москва : Прогресс, 1991.
6. Дробизева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. Москва, 2003.
7. Карабущенко П. Л. Политические элиты и проблемы национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. 2015. № 3. С. 91–97.
8. Майал Х. Трансформация конфликтов: комплексная задача // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. Москва, 2007.
9. Михайлова О. Современный политический процесс: кланы и власть. Режим доступа: <http://onkavkaz.com/articles/1329-sovremennyi-politicheskii-process-klany-i-vlast.html>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. [Дата обращения: 11.11.2015].
10. Самыгин С. И., Верецагина А. В., Белов М. Т. Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 78–85.

References

1. Adiev A. Z. *Zemelnyy vopros i etnopoliticheskie konflikty v Dagestane*. Rostov-on-Don, 2010.
2. Avksentev V. A., Griitsenko G. D., Dmitriev A. V. *Regionalnaya konfliktologiya: ekspertnoe mnenie*. Moscow, 2007.
3. Ananicheva S. R., Demyanik N. *Mezhethnicheskie konflikty na postsovetskom prostranstve. Uchenye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, vol. 5, no. 3, pp. 53–56.
4. Varshaver Ye. A. *Tarki-Karaman: mekhanizm odnogo zemelnogo konflikta v Dagestane. Monitoring obshchestvennogo mneniya*, September – October 2014, no. 5 (123), pp. 133–150.
5. Gellner E. *Natsii i natsionalizm*. Moscow, Progress Publ., 1991.
6. Drobizheva L. M. *Sotsialnye problemy mezhnatsionalnykh otnosheniy v postsovetskoj Rossii*. Moscow, 2003.
7. Karabushchenko P. L. *Politicheskie elity i problemy natsionalnoy bezopasnosti. Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie*, 2015, no. 3, pp. 91–97.
8. Mayal Kh. *Transformatsiya konfliktov: kompleksnaya zadacha. Etnopoliticheskiy konflikt: puti transformatsii: nastolnaya kniga Bergkhofskogo tsentra*. Moscow, 2007.
9. Mikhaylova O. *Sovremennyi politicheskiy protsess: klany i vlast*. Available at: <http://onkavkaz.com/articles/1329-sovremennyi-politicheskii-process-klany-i-vlast.html> [Accessed: 11.11.2015].
10. Samygin S. I., Vereshchagina A. V., Belov M. T. *Ugrozy natsionalnoy identichnosti v informatsionnom prostranstve sovremennogo sotsiuma i riski informatsionnoy bezopasnosti. Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*, 2015, no. 4, pp. 78–85.